

На правах рукописи

СОЛИЕВ ХУСЕЙН УБАЙДУЛЛОЕВИЧ

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САДРИДДИНА АЙНИ**

**10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2022

Работа выполнена в отделе современной литературы Института языка и литературы имени А.
Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Рахмонов Шохзамон Абдукодирович

Официальные оппоненты:

Икромов Искандар - доктор филологических наук, профессор кафедры таджикской литературы Бохтарского государственного университета им. Н. Хусрава

Саидов Саидрахмон - кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и таджикской литературы Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

Ведущая организация:

Таджикский государственный институт языков имени С.Улугзода

Защита диссертации состоится «17» июня 2022 г. в 13:30 часов на заседании Диссертационного совета Д 737.004.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете по адресу: г. Душанбе, Рудаки,17

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского национального университета и на сайте (www.tnu.tj).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент**

Курбанов Х.А.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. С приобретением страной независимости быстро начало меняться и общественное сознание. Возникла острая необходимость в переоценке состояния общественного сознания и формировании свободного от навязанных потерпевшей краха чуждых национальному самосознанию теорий. Этому существенно способствовал, независимо от множества препятствий и ограничений, созданных коммунистической системой, объективный подход к многовековым культурным и художественным достижениям таджиков. Значение проявлений высокого самосознания и свободной мысли в тысячелетней новотаджикской литературе воспето высокой поэзией и глубокой прозой, многогранно рассмотрено в философских и этических построениях мыслителей и великих мастеров слова.

Устод С. Айни жил на между прошлым и новой жизнью, начавшейся для него, социально-политическими бурями, принесшими ему много горя и лишений.

С. Айни был живым свидетелем несправедливому отношению к истории таджикского народа с разноликими завоевателями и угнетателями. В дальнейшем он по мере возможности в своих произведениях рассказал для современников и грядущих поколений соотечественников грустную историю неволи и угнетения минувших поколений, пробуждая их сознание к восприятию истины истории, к готовности быть сознательным и хозяевами своей жизни.

Поэтому все большие и малые произведения писателя являются носителями определенного социально-политического содержания, пробуждающие зов к борьбе за свое достоинство и честь.

Обращение к личности С. Айни и его творчеству не строго в пределах 30-х годов, а допущение исключения по необходимости заглядывать за эти пределы мы сочли необходимым в интересах исследования. Научные и художественные произведения С. Айни в разное время стали объектом изучения Н. Бектоша, Е. Бертельса, И. Брагинского, М. Шакури, С. Табарова, А. Сайфуллаева, И. Бечки,

Ю. Бабаева, Х. Асозода, Ш. Рахмонова, А. Кучарова, А. Махмадаминова и многих других исследователей и в этом процессе освещены многие вопросы, связанные с ними. Как научная, так и художественная тематика творчества С. Айни, и в национальном, и в интернациональном отношениях, всегда были ориентированы на высокий уровень самосознания и интеллектуализма.

Исходя из этого, в наши дни, когда брожение умов в мире ислама, в нашей собственной стране достигло критического состояния, то наука не может не воспользоваться трудами одного из виднейших умов своего времени в том регионе, где на той же почве полыхает жестокая война, на той же почве свирепствуют более многочисленные палачи, чем те, которые изображал С. Айни в своем произведении «Бухарские палачи», где альтернативное светское мышление находится в вопиющем гонении. Опыт жизни С. Айни в сочетании с духовным и светским образом мышления, которым он и сам пользовался всю жизнь, должен служить человечеству и сегодня.

Цель и задачи исследования. Исходя из изложенного, перед нашим исследованием поставлена цель, проследить проделанный С. Айни путь в его публицистических и художественных произведениях в 30-х годах прошлого столетия. В этой связи определены и задачи исследования:

- по публицистическим и художественным произведениям С. Айни обрисовать социально–политическую обстановку, в которой протекали жизненные процессы, современные автору;
- рассмотреть в научном ракурсе публицистическую, художественно-литературную и языковедческую тематику творчества С. Айни;
- подвергнуть исследованию литературные заметки и некоторые произведения С. Айни, которые оставались неисследованными;
- обратить больше внимания историко-социальной и языковедческой тематике, обстоятельнее рассмотреть соответствующие произведения писателя.

Заключения диссертанта по проделанной работе дают основание констатировать, что интерес таджикского айниведения требует дальнейшего продолжения и совершенствования предпринятого нами направления.

Степень разработанности темы: Во-первых, темы и содержания произведений Айни тесно связаны друг с другом, поэтому в процессе исследования приходилось охватывать всю деятельность литератора и ученого. Хотя мы старались не выходить за пределы своих задач, но местами приходилось принимать во внимание взгляды и рассуждения других исследователей.

Темы, рассмотренные в диссертации в зависимости от событий последних изменений в жизни общества, в котором жил и творил С.Айни, требовали новых взглядов и освоения. В результате:

– Если предшествовавшие авторы филологические или же исторические социальные темы рассматривали по отдельности, то мы литературные, исторические и языковые проблемы в деятельности С.Айни исследовали в неразрывной связи друг с другом и на этом фоне создали цельный портрет этой личности. В этом процессе нами высказаны новые, отличавшиеся от предшествовавших взглядов в этом направлении, мысли о творчестве писателя и ученого – публициста С. Айни.

– Учениками и друзьями С. Айни написаны многочисленные путевые заметки, воспоминания, стихи, посвященные основоположнику современной таджикской литературы. В процессе исследования мы широко использовали их с целью укрепления своих доводов.

– Избранный нами способ исследования дал нам возможность коснуться мировоззрения литератора, его творческой лаборатории, проникнуть в духовный мир писателя, высказать новые мысли о тематике его трилогий.

-Диспуты вокруг таджикского языка и нового алфавита, которые имели место в тридцатых годах и по сей день должным образом не изучены. Это особенно касается вопросов структуры языка, а также его места в системе культуры таджикского народа.

- Мы стремились прояснить истинную роль С. Айни в решении важнейших научных, литературных и культурных проблем конца XIX и начала XX вв., до победы русской революции и после него.

– При этом осветили громадную работу писателя и ученого на поприще просвещения и общественной мысли своего времени, его многогранную борьбу против пантюркистов, отрицавших не только великую культуру таджикского народа, но и само существование таджиков как творцов этой культуры.

-Некоторые наиболее важные положения, изложенные С. Айни в его художественных произведениях, литературно-критических, научных, исторических, искусствоведческих публикациях о языке в историческом ракурсе, выбраны из произведений самого Айни.

Научная новизна

В постановке, в которой мы разработали проблему, наше исследование принципиально оригинально. Участие других исследователей не исключается в отдельных эпизодах, присутствуют мнения и высказывания и других ученых, без которых мы бы не обошлись. Такие детали нами обобщены для решения главных вопросов. Диссертация впервые написана на взаимосвязи проблем языка, литературы и истории.

Теоретические и методологические основы исследования

Опираясь на труды литературоведов, отечественных и зарубежных иранистов, таджиковедов, в числе которых особого упоминания требуют И. Брагинский, Н. Масуми, М. Шакури, С. Табаров, И. Бечка, А. Махмадаминов, А. Сайфуллаев.

Основы методологии исследования составляют также и явления литературы XX века, вопросы личности и творческой лаборатории С. Айни.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы: при написании и составлении курсов лекций по истории художественного и литературного таджикского языка, таджикской литературы для студентов вузов и школ республики. Научные

выводы исследования в меру своей значимости обогатят национальную гуманитарную науку.

Опыт истории убедительно показывает, что незнание своей истории просвечивает банальность человеческого мышления, невежество личности. Среда таких личностей неизбежно обрастает мифами, сказками и легендами, которые имеют реальное основание.

Такое общественное сознание с ликованием бросается на клочки исторических, археологических свидетельств о своей прошлой действительности. Поэтому все, что сегодня делается для сохранения значительных явлений и событий действительности, обогащает наше интеллектуальное будущее.

С. Айни сам предстал одним из насыщенных страниц истории таджиков. Это обстоятельство обязывает нас собрать, анализировать все возможные факты жизни и творчества этого выдающегося представителя культуры, дать им не обрастать посторонними легендами.

Собранные и тщательно исследованные нами творческие факты ложатся в фундамент будущих обоснованных теоретических построений, истории культуры и литературы. Материалы нашего исследования и сделанные на их основе обобщения могут способствовать созданию научной истории современной таджикской литературы, ложиться в основу книг высшей школы, учебных курсов и пособий, учебных процессов, могут быть использованы для написания учебно-популярных книг.

Источники исследования. В осуществлении исследования главным образом использованы «Полное собрание сочинений» С. Айни в 15-и томах, двухтомник «Избранные сочинения» писателя, его историческими работы, а также еще не включенные в серийные издания сочинения. К этому следует добавить материалы периодических изданий с разнообразными формами выражений мыслей, высказываний, выступлений С. Айни, других ученых и литераторов о нем.

Основные положения, выносимые на защиту

- литературное творчество С. Айни и его истоки. Сложение С. Айни как пишущей личности;
- становление и развитие творчества С. Айни, как писателя нового художественного направления в таджикской литературе.
- характеристика научной деятельности писателя;
- размышления С. Айни над литературным таджикским языком. Разногласия С. Айни с необоснованными высказываниями некоторых западных востоковедов. Полемические выступления С. Айни о необходимости самостоятельного таджикского литературного языка.
- проблемы лексикологии и лексикографии в работах С. Айни
- текстологическая деятельность С. Айни.
- вопросы самосознания и национального самосознания в творчестве С. Айни.
- обучение родному языку.

Апробация исследования. Основные положения, идея и результаты диссертационного исследования изложены в публикациях автора. Диссертация обсуждена на заседании отдела новой и новейшей литературы Института языка и литературы имени Рудаки Академии наук Республики Таджикистан и рекомендована к защите (20 мая 2021 года).

Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли своё отражение в 7 научных публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяется степень ее изученности, конкретизируются цели и задачи исследования, научная новизна работы и ее теоретическая и практическая значимость, формируются основные положения, выносимые на защиту указываются уровни апробации работы.

Первая глава – «Литературное творчество С. Айни и его истоки» – состоит из двух параграфов.

В первом параграфе – «Начало творческой биографии С. Айни. Сложение С. Айни – пишущей личности» – рассматривается начало современной таджикской литературы, хронологическая картина 20-ых годов, интерпретируется феномен русской революции и ее роль в зарождении таджикской литературы новейшего периода, концепция «Бухарской революции» в 1917-1920 годов.

Творчество Айни – пишущей личности – отражает глубокие пласты жизни народа, его культуры и языка, в частности.

Диалектика творчества С. Айни от регрессии к прогрессии начинается с медресе и вплотную связывается с процессами создания школы нового метода.

Второй параграф «Становление и развитие творчества С. Айни как писателя нового художественного направления в таджикской литературе» – посвящен постреволюционной деятельности писателя. Особое внимание удалено формированию социально-культурных и художественных взглядов С. Айни.

Начало современной, или же новейшей таджикской литературы, хронологически совпадает с двадцатыми годами минувшего столетия, хотя официальное литературоведение придерживается незыблемого утверждения, что она является порождением «Великой Октябрьской революции». Очевидность этого анахронизма, тем не менее, отрицается отсутствием каких-либо литературных очагов и процессов в среде обитания таджиков, тесно связанной с родиной «Великого Октября». «Русский Туркестан» к тому времени был достаточно отдален от Бухарского эмирата, где сосредоточились остатки таджикского этноса. До 1917-го революционного года Бухара, волочившая урезанную Российской империей независимость, все же жила своей внутренней жизнью, жизнью, все еще сохранившей свою многовековую архаику, но этническую. Великий город Бухара, в котором военную власть в руках держали

потомки тюркских кочевников, все еще оставался центром таджикской культуры. С этим городом была тесно связана и начальная часть жизни Садриддина Айни, общепризнанного зачинателя современного этапа функционирования 1200-летней новотаджикской литературы. Но фальсификация, как науки, так и истории, удается на время. За годы существования созданного большевиками Советского Союза было допущено столько искажений действительных событий и фальсификации истории, сколько это было необходимо. Так, упомянутое утверждение, что новотаджикская литература является порождением Октябрьской революции, при внимательном рассмотрении раскрывает свою «синтетическую» природу.

Дело в том, что в большевистской исторической концепции значение октябрьского переворота чрезмерно раздувается и вся история российского революционного движения сводится к октябрьскому вооруженному восстанию. При такой интерпретации русской революции ее роль в зарождении таджикской литературы новейшего периода окажется сомнительной. Эта же революционная концепция навязывает истории миф о «Бухарской революции» по рецепту большевистских революций.

Нам кажется, что без глубокого проникновения в состояние духа и деятельности самого яркого просветителя, культурного борца конца XIX века, Ахмада Дониша, так и до конца не примирившегося с правлением невежественных кочевых орд, этого средневекового анахронизма, трудно понять и сущность С. Айни, который потом часто обращался к светлому образу своего предшественника.

Как человек прогрессивных воззрений, С.Айни и после февральской буржуазной революции не менял свою позицию сторонника лишь культурно-просветительской революции. «Моя позиция по вопросу о социально-политической революции, – писал он, – заключалась в развитии государственного управления и социума. Без прогресса просвещения общественной мысли, он не считал мыслимой какую бы то ни было революцию. Да! Я был убежден, что, если правительство решит взяться за

преобразования, решительно и с душой, то сделает это, покончит с беззаконием и пороками в невежественной среде силовыми средствами, может быть, сделает и это»¹.

Но С. Айни не видел не только правительства с таким потенциалом, он не видел и общества, готового признать свои социально-политические, гражданские права. Такого общественного сознания в Бухаре вне пределов религиозных догм, не было, не было и политической организации, способной вести за собой массы. Исходя из всего этого, «я держался мнения – пишет С. Айни, – что сначала необходимо просвещение сознания и распространение знаний, а потом уже преобразования, которые могут произойти сами по себе, или под воздействием общественной мысли. В общем, когда появится знание, тебе подскажет: «Делай!»². Взгляды С. Айни были известны среди младобухарцев, которые считали его консерватором и, даже, контрреволюционером. С. Айни был убежден, что совершать социальную революцию в стране с непросвещенным населением опасно и вредно, ибо, бравшись за непосильные дела, когда-нибудь приходится обратиться за помощью к иностранцам, которые никак не могут не предпочесть свои собственные интересы перед чужими. «Поэтому, покорный слуга,- пишет далее он,- считает, что истинный патриотизм заключается в том, что будет лучше не браться за непосильные дела, а просвещать мысль, чтобы население накопило знаний и готовилось к свершению дел»³.

Когда читаешь строго освидетельствованное, документированное изложение деталей целого события, раскрывающее души, мысли, изображающие поступки людей, которые тебя окружают, когда эти люди выступают на жизненной сцене совершенно с иными лицами, в которых просвещенный ум узнает персонажей мифологии, сказок, легенд, способных принять всякий угодный им внешний облик, таких «масок» не смущает

¹ См.: Айни С. Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Сборник соч., т. 14 – Душанбе: Матбуот, 2005. –С. 158.

² См.: Айни С. Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Сборни соч., т. 14 – Душанбе: Матбуот, 2005. –С. 160.

³ См.: Там же. – С 165 – 166.

почитание Деви Друдж (Демона Лжи) в капище зороастрийцев, а в мусульманской мечети – поклонение Сатане.

Правительство новым раисом назначило Мусаннифа. Главный судья Мирза Мухаммад-Шариф был избит и оскорблен на глазах у кушбеги Насруллаха. Разгул реакции, поддержанной правительством достигло неслыханной дикости. Бежавшие в Каган прогрессивисты настояли на вмешательстве посольства России. Русские революционеры ускорили это вмешательство. Отряд русских казаков предотвратил опасения обреченных, переправленных затем в Каган.

Начавший свою литературную деятельность на поприще поэзии, С. Айни тем не менее не стал профессиональным поэтом, как им в свое время не стали многие деятели таджикской науки и культуры, которые изредка прибегали к помощи поэзии, чтобы «разгрузиться» от бремени интеллектуальных противоречий более алогичным и безответственным эмоциональным самовыражением. В таджикском литературоведении хорошо известно, что С. Айни был деятелем мыслительной схоластики, чем изящной поэзии. А с появлением средств массовой информации, школьных учебников и т. д., поэтическое слово он использовал в целях просвещения. Но, уже начиная с 20-х годов, он убеждается в нецелесообразности этого метода общения с окружающим миром и профессионально переходит на прозу. Да и впечатления от прожитой жизни у С. Айни были настолько объемны, что ими более доходчиво можно было делиться лишь средствами прозаической речи.

С творчества С. Айни в прозе начинается новейший этап художественной прозы таджикской литературы, совпавший с 20-ми годами XX века. Но справедливости ради следует заметить, что «Книга путешествий» («Саёхатнома») Мирза Сираджа Хакима, вышедшая в печать в 1912 г. в Бухаре, вполне может быть признана первой повестью в новейшей прозе на таджикском языке в Средней Азии. Приключения доктора Сираджа, получившего современное образование, написаны очень красочно и образно. Но «Книга путешествий» явилась единственным прозаическим произведением этого многогранно талантливого человека. Его смерть, наступившей в 1914г., С. Айни

с горечью отметил элегией. Стихи Мирза Сираджа часто публиковались в журнале «Айина», а в газетах «Бухорои шариф» и «Туран» – социальная публицистика.

Таким образом, вопрос о форме творчества перед С. Айни уже в начале 20-х годов стоял довольно актуально. С сожалением следует констатировать, что этот важный вопрос в таджикском литературоведении кардинально не поставлен и, следовательно, не разрешен. Но новоперсидская литература (IX – XX вв.) в этом очень нуждается. Слабое, к сожалению, литературоведение, которое функционировало в Таджикистане в советское время, по многим причинам не могло и не смогло как следует познать сущность мощнейшей в мире тысячелетней литературы. Даже один из центральных вопросов – соотношение поэзии и прозы в персоязычной литературе – фактологически не разрешен. Именно этот момент и по сей день предстает препятствием в определении жанров прозаического творчества. Смытость граней видového и жанрового определения прозаического творчества, например, создает теоретическую неопределенность и прикладную нечеткость в дифференциации художественной прозы.

С. Айни при написании своего первого художественного произведения с сюжетно-композиционной структурой, по всей вероятности, в нетаджикском творческом опыте также не нуждался. Но государственная система, беспрекословно осуществлявшая волю одной из самых беспощадных идеологических образований во всей человеческой истории, уже тогда всю работала по зомбированию творческой воли. Хотя и С.Айни имел достаточный опыт знакомства с бессмысленным, беспринципным феноменом толпы, на себе носил жестокие следы этого опыта, но, как все чистые, искренние и доверчивые души, и он попал в сатанинские сети предводителей толпы – большевиков.

Как писатель, С. Айни развивался достаточно быстро. В 1930 г. в Казани вышел из печати его роман «Дохунда», «на образах положительных героев» которого «воспитывалось целое поколение строителей социализма в

Таджикистане», как пишет И.С. Брагинский.⁴ Конечно, эта оценка маститого литературоведа – просто риторическая дань стилю дня, но центральный герой и персонажи романа гораздо эксцентричны и социально антагонистичны, чем в повести «Одина». В создании романа писатель использует различные приемы и достижения современного романа. В то же время С. Айни в формировании романической действительности использует богатый опыт знания жизни своей родины, впервые вводя в палитру событий колорит природы горной страны. Так в романе «Дохунда» он вводит пейзажное изображение как необходимый элемент изобразительного словесного произведения, которому в дастанной литературе особого значения не придавалось.

Вторая глава диссертации – «Характеристика научной деятельности С. Айни» – состоит из двух параграфов.

Первый параграф – **«Новые научные явления в трудах С. Айни»** – отведен важному аспекту обществоведческой мысли первопроходца публицистики. С. Айни был одним из первых научно мыслящих личностей своего времени и, несомненно, первым наиболее плодовитым таджикским ученым начала XX в. Начало его научной деятельности зафиксировано журнальной статьей о Бедиле, опубликованной во втором номере журнала «Шура», 1912 года, на татарском языке. Последовавшие затем его работы заложили фундамент нового этапа развития научных дисциплин по истории, этнографии, литературоведению и языкознанию. С. Айни был знатоком лексикографии, музыки, признанным в востоковедческих кругах Советского Союза источниковедом.

Наиболее крупной работой в начале научной деятельности С. Айни является очерк «История интеллектуальной революции в Бухаре», завершенная 17(4) февраля 1918 года. Чрезвычайно ценное произведение, «История интеллектуальной революции в Бухаре», пережило печальную судьбу. Оно пролежало в забвении, по выражению Камола Айни, сына ученого,

⁴ См.: Брагинский И.С. Западно-восточный литературный синтез и творчество С. Айни. – Душанбе: «Ирфон», 1986. – С. 143.

обнаружившего и опубликовавшего его спустя семьдесят лет после написания (16). Произошло это событие в связи с гонениями на таджикскую культуру в период разгула пантюркизма–панузбекизма после большевистской революции. Правда, узбекский перевод вынужденный писатель опубликовал в 1921 г.⁵ Узбекский перевод был обратно переложен на таджикский язык под названием «История Бухарской революции» и издан в 1987 г.

Необходимо со всей ответственностью подчеркнуть, что без наличия «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» С. Айни было бы почти невозможно проследить процессы окончательного разложения таджикской цивилизации, крайней банализации таджикской культуры в Средней Азии в период правления тюркских племен. «История интеллектуальной революции в Бухаре» – прямое в жанровом и содержательном отношении продолжение памфлетов Ахмада Дониша, на которых, главным образом формировалось мировоззрение С. Айни, его видение социальной и духовной действительности своего века. «История интеллектуальной революции в Бухаре» – самая достоверная иллюстрация нелепой социально–политической и духовной действительности Бухарского эмирата периода после смерти Ахмада Дониша и кануна большевистской его экспансии. К этому времени С. Айни уже был в зрелом возрасте: ему исполнялось сорок лет, но он уже был известным духовным лицом и интеллектуалом тогдашней Бухары. Поэтому в обычном стечении обстоятельств можно было бы о нем сказать, что он уже сложился как личность с предсказуемой будущностью. Поэтому и в этой своей книге он настойчиво напоминает, что его главной жизненной целью является духовное просвещение того общества, которое он получил в наследство от истории. При этом, следует заметить, С. Айни никак не разделял просвещение на религиозное и культурно–светское. Его просвещение одинаково освещало и сознание и душу. Он сам всю свою сознательную жизнь оставался верным разумному созидательному исламу, чему свидетельством может служить и «История интеллектуальной революции в Бухаре», книга, которая ярко

⁵ См.: Айни С. Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Сборни соч., т. 14– Душанбе: Матбуот, 2005. – С. 19.

иллюстрирует множество примеров вопиюще гнусного поведения представителей касты религиозного нравоучительства.

В 1913 –1914 гг. под влиянием новых просветительских процессов новометодная школа достигла заметных успехов, чему способствовали озабоченность российских властей влиянием турецкого образования, вместе с которым бухарцы могли перенимать и нежелательные протурецкие настроения. Это обстоятельство заставило русских сдерживать бухарское традиционалистское духовенство от сопротивления новой школе.⁶

Критическое умонастроение, формировавшееся под воздействием трудов Ахмада Дониша, «Путешествий Ибрахимбека» Зайнулабеддина Марагаи, повести Сироджа Хакима и других впечатлений от окружающей действительности, и впредь выступает главной чертой самовыражения писателя, ученого и публициста С. Айни. В этом аспекте он пытается изложить свои впечатления о событиях, связанных с вооруженным нападением и захвате большевиками полуколониального Бухарского ханства. Уже 17 ноября 1920г. Министерство культуры Бухарской Народной Советской Республики выносит решение о написании истории Бухарской революции. В соответствии с этим решением создание истории поручается Фитрату, С. Айни и Б. Солехову⁷. Но на сей день участие Фитрата и Б. Солехова в осуществлении этого поручения остается не установленной. Участие же С. Айни в нем не вызывает сомнения. Тем не менее ситуация с именно «Историей Бухарской революции», как нам представляется, нуждается в уточнении. Дело в том, что «Бухарская революция», под которой подразумевалась экспансия Бухарского ханства большевиками, произошла в сентябре 1920г., но С. Айни собственноручно пишет, что «большую часть «Истории Бухарской революции» я писал в 18–19 годах в Самарканде на таджикском языке»⁸. Эти слова С. Айни написал в 1933г. в статье «Мой ответ», адресованное Бектошу. Как мы выше заметили, 17(4) февраля 1918 г. С. Айни в Самарканде завершил «Историю интеллектуальной

⁶ См.: Айни С. Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Сборни соч., т. 14 – Душанбе: Матбуот, 2005. –С. 131 – 132.

⁷ См.: Рахмонов Ш. Шеръ ва Айни. Дигаргуниҳои сифатию созмонӣ дар назми муосири тоҷик. – Душанбе: Маориф, 1994. –С. –16.

⁸ См.: Айни С. Сборни соч., т. 3. – Сталинабад: Таджгосизд, 1960. – С. 185.

революции в Бухаре», которая при жизни писателя не была опубликована. Следовательно, он по-прежнему продолжал исходить из первоначальной концепции революции относительно Бухары. В последующие почти два года С. Айни эту концепцию изложил на узбекском языке в книге «История Бухарской революции», которую завершил 23 марта 1921г. По какой-то неустановленной причине публикация книги была задержана, хотя она была написана по распоряжению правительства. Книга все же была издана, но в 1926г. под названием «Материалы по истории Бухарской революции». На таджикском языке эта работа была опубликована в переводе Рахима Хашима лишь в 1987г.⁹ (167, 14-15).

Исследования «О Фирдоуси и его «Шах-нае» (1934), «Шейхуррайис Абу Али ибн Сина» (1939), «Устад Рудаки», «Камал Худжанди» (1940), «Шейх Муслихиддин Са’ди Ширази (1940-1942), «Мирза Абдулкадир Бедил» (1954) и другие публикации С. Айни явились важными вехами в становлении иранистики в Таджикистане.

Во втором параграфе под названием «**Научная и научно-популярная деятельность С. Айни на злобу дня**», констатируется, что зарождавшаяся в новых, еще по сущности непознанная и воспринятая в тех условиях, таджикская интеллигенция стремилась в меру своих возможностей внедрить в жизнь своего общества новые веяния стремительно меняющейся действительности. А действительность та не только тогда, но и сегодня понята не так уж глубоко. Не хватило и не хватает просвещения, за приобретение которого так настойчиво боролся С. Айни.

В диссертации выражается мысль о том, что интеллектуально не подготовленные массы в недалеком будущем будут главным орудием умерщвления мысли, бездушным палачом в руках смысленных политиков 20-х и последующих годов XX века, доказывая правоту бухарского муллы, мударриса и интеллектуала С. Айни. Этот С. Айни был типичным образцом таджикской интеллигенции, сильно деградировавшей под воздействиями внешних

⁹ См.: Шакури М. Фитнаи инкилоб дар Бухоро. Душанбе: Шучоиён, 2010. – С. 14 –15.

факторов. Даже беглое знакомство с трудами С. Айни демонстрирует его человеком глубоко духовным и религиозным.

Свое отрицательное отношение к прослойке улемов С. Айни настойчиво продвигает по всему контексту своей «Истории», правда, отмечая лишь отдельные исключения из этой среды. Расхождение между духовным лицом С. Айни и основной массой улемов, главным образом, происходит из-за просвещения, хотя существуют и другие принципиальные причины. Так, С. Айни не отрицает, что среди улемов есть по-настоящему образованные в теологической схоластике люди, но они же порой проявляют себя совершенно безразличными к своему предназначению духовного лица. Такого напутствия, как «какая твоя забота?! Есть у тебя грамота, есть познания иди в судьи, раисы! Будь она неладна, эта школа!»¹⁰, которой С. Айни давал Гияс Махдум, с легкой душой дали бы многие из его бывших учителей. Писатель отдаляется от духовенства не просто потому, что оно духовенство, а потому, что даже редкие совестливые среди них, замечая у себя подобные даже непозволительные вещи, не осмеливались сказать правду и считали это правилом хорошего тона для воспитанного человека¹¹.

Много внимания С. Айни уделял одному из важнейших литературных шедевров начала XVI в., мемуарам Зайниддина Васифи «Удивительные события» («Бадаи' ул-вакайи»). Уже в 1926г. в «Образцах таджикской литературы» он дает общую характеристику произведения и его отдельные образцы. Подчеркивая важное художественное и историческое значение «Удивительных событий», ученый настаивает на актуальности исследования и издания текста книги¹². Именно исходя из важности содержания «Удивительных событий» Зайниддина Васифи, как это было в его подходе к «Навадир ул-вакайи» Ахмада Дониша, С. Айни, не дожидаясь публикации их текста, пишет цикл статей, опубликованных в журнале «Бо рохи Ленин» (№12, 1940, №1, 3, 4-5, 1941) и «Шарки сурх» (1946, №№4-5). Культурно-историческое, историко-

¹⁰ См.: Айни С. Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Сборни соч., т. 14– Душанбе: Матбуот, 2005. – С. 70.

¹¹ См.: Там же. – С 122.

¹² См.: Айни С. Намунаи адабиёти тоҷик. –М.: Центральная издательство народов СССР, 1926. – С. 112.

бытовое значение мемуаров Васифи в литературоведческой деятельности С. Айни заняло целое воссоздающее культурно-историческо-бытовое веко, освоение которого ученый считал одной из основных познавательных задач дня. Момент, отраженный Васифи, поистине, был одним из исключительно важных и поучительных моментов в истории Ирана и Средней Азии вообще. Исключительность этого момента, нам представляется, еще до конца не осознанна, но С. Айни сумел начало этого процесса заложить.

Третья глава диссертации **«Размышления С. Айни над литературным таджикским языком»** состоит из четырех разделов.

Первый раздел главы **«Разногласия С. Айни с некоторыми западными востоковедами – полемические выступления С. Айни о необходимости самостоятельного таджикского литературного языка»** – посвящен анализу позиции и убеждения С. Айни о необходимости признания самостоятельности современного разговорного таджикского языка в современных условиях.

Одно из важнейших направлений научной, научно-популярной деятельности С. Айни заключается в его разработках по совершенствованию современного таджикского литературного языка. Эта сторона его деятельности теснейшим образом связана с коренными изменениями, произведшими в жизни таджикского народа в условиях вовлечения его в посреволюционные обстоятельства.

В новом Таджикистане вопрос о литературном языке начинает приобретать жизненно важное значение. Без верного решения этого вопроса осуществление «культурной революции» в республике, проблемы, связанные с формированием новейшей таджикской литературы, духовной жизни народа в целом было непредсказуемо. Накануне территориального размежевания народов Средней Азии, образование национальной государственности таджиков фактически возобновились. Смена экспансии породила и новый виток борьбы за влияние на этих территориях. Права таджиков на жизненное пространство в средней Азии отрицались прежними. На страницах печати стали распространяться взгляды

представителей пантюркистского сопротивления геополитической действительности, созданной русской революцией.

В своих статьях «Вокруг персидского и таджикского языков» (1928), «Таджикский язык» (1928), «Мой ответ» и др. С. Айни затрагивал важнейшие проблемы таджикского языка. При этом он на неопровержимых фактах доказывал, что принятие иранского персидского языка в том состоянии, в котором он находился в те дни, представляется не целесообразным, ибо 60-70% его состава образует арабская лексика, которая не очень понятна не только таджикам, но и основной массе собственно иранского населения. На основе сравнительного анализа грамматического строя персидского и таджикского диалектов, их фонетических, лексических и стилистических особенностей С.Айни делает вывод, что «простейшим и чистейшим из персидских диалектов является таджикский»¹³

Второй параграф назван: «Лексикология и лексикография». С. Айни, как мы показали в предыдущих главах настоящего исследования, был убежденным сторонником интеллектуальной революции, достижение которой с настоящим состоянием литературного языка представлялось маловероятным. В своих научных и литературных произведениях, в частности, в «Истории мангитских правителей Бухары», «Истории Бухарской революции», «Бухарских палачах», «Одине», «Образцах таджикской литературы», «Дохунде», «Рабах», «Ёдгоре», «Ядгари», «Поединке человека с водой», «О Фирдоуси и его «Шах-наме», «Шайхуррайисе Абу Али Сино», «Камале Худжанди» «Устаде Рудаки», «Васифи содержание его «Бадоеъ ул-вақоеъ», «Алишере Навои», «Смерти ростовщика», «Воспоминаниях», «Мирзо Абдулкодире Бедиле», а также статьях и письмах, он разъясняет труднодоступные слова и словосочетания, которые составляют основную часть его лексикографических занятий.

В 1936-1938 гг. С.Айни пишет «Толковый таджикский словарь для таджикского литературного языка», в котором он собрал наиболее соответствовавшие духу времени образцы письменной и устной речи. Большая

¹³ См.: Айни С. Сборни соч., т. 11. Книга вторая. – Душанбе: Ирфан, 1964. – С. 353.

важность этой работы, прежде всего, заключается в том, что многие слова С.Айни ввел в лексикографическую практику впервые, снабдив необходимыми толкованиями.

Следует подчеркнуть, что словарь С. Айни по охвату лексики живого языка не имеет себе равных в Таджикистане. Сам автор подчёркивает, что он в большей мере собирал те слова, которые ожидали своего часа в сокровищнице живого народного языка, но до сих пор не собраны и в письменной речи, не использовались вовсе, или же использовались чрезвычайно редко¹⁴.

Живой разговорный язык народа С. Айни считал одним из основных источников развития литературного языка.

Третий параграф главы назван «Текстологическая деятельность С. Айни». Начиная с 1924 года, Айни опубликовал немало статей о проблемах таджикского языка, таджикского алфавита и т.п. в газете «Овози тоджик», журнале «Рахбари дониш». В статьях «О таджикских школьных учебниках», «О литературе и школьных учебниках Таджикистана», «Таджикские книги» автор ставит вопрос о языке и книжной речи, ее обновлении и упрощении.

Лингвистические занятия С. Айни длились в течении всей его творческой деятельности. Его заметки о языке и творческом стиле отдельных современных таджикских писателей, лексикологические лексикографические и грамматические пояснения по тексту этих произведений свидетельствуют о его глубоких размышлениях над вопросами языкознания.

Четвертый параграф назван «Самоосознание и национальное самосознание». Необходимо признать непреложный факт, что до экспансии Бухары большевистскими войсками во взглядах и, следовательно, сочинениях С. Айни национальные вопросы и религиозное мировоззрение никакими четкими гранями не разделялись. Этнический национализм в его восприятии мог проявиться в бытовой форме, без теоретической базы.

Творческая деятельность С. Айни довольно многогранна. Помимо большого количества публицистических статей и очерков, романов, повестей и рассказов,

¹⁴ См.: Айни С. Сборни соч., т. 12. – Душанбе: Ирфан, 1976. – С. 19.

он даёт насыщенную информацию о жизни народа, где большей частью ведётся речь о национальном самоосознании. Некоторые его произведения, написанные на таджикском языке, «терялись» в издательствах. Это произошло, в том числе с «Бухарскими палачами», «Историей интеллектуальной революции в Бухаре», рассказом «Трагедия одного молодого бухарского учёного». После этого он вынужден был писать свои произведения на двух языках – таджикском и узбекском. В этом случае произведения, написанные им на узбекском языке, издаются быстрее. И пред лицом всех помех и препятствий С. Айни не прекращает борьбу за интересы своего народа.

Пятый параграф называется «Обучение родному языку». Педагогическая деятельность С. Айни начинается ещё в годы его учения в медресе, а спустя время – длится в двух направлениях – школьном учительстве в новометодных школах и создании школьных учебников и учебных пособий.

В 1906 году в городе Бухаре учитель татарского происхождения Абдуррахман Саиди открыл новую татарскую школу. Поскольку в эту школу поступали и таджикские дети, которые не знали тюркских языков, С. Айни переводил им татарскую речь Саиди. Когда 8 ноября 1908 года в доме Абдулвахида Мунзима открылась первая новая таджикская школа, прибавилось забот и у С. Айни. Пользуясь опытом, полученным в школах Абдуррахмана Саиди, Абдулвахида Мунзима и Абдулкадира Шакури, С. Айни составил три учебника для учащихся новой школы: «Тартил ул-Кур’ан» («Медленное чтение Корана») (1909), «Заруриёти диния» («Религиозные необходимости») (1914), «Таҳзиб ус-сибъан» («Воспитание детей») (1910, 1917). Многие рассказы «Таҳзиб ус-сибъан» снабжены стихотворными отрывками.

Педагогическая и публицистическая деятельность С. Айни начинается ещё в ту пору, когда он жил в Самарканде, и длится до конца его жизни. С. Айни в качестве литературного редактора работает в журнале и газете («Пламя революции» и «Голос таджика»), а печатается он в 1919-1920 гг. в периодической печати под анонимными подписями «С.М.», «С.Х.», «К.А.», «С.А.», «М.». Когда он писал статьи, фельетоны и сатирические стихи в журнале

«Пламя революции», то воспользовался псевдонимами «Бир кечалик футурист», «Сарсон», «Баттол», а на узбекском публиковался в узбекских сатирических журналах «Таёк» и «Машраб». Затем С.Айни продолжил свою публицистическую деятельность в узбекской газете «Мехнаткашлар товуши» «Голос трудящихся» и таджикской «Голос таджика».

Статьи под названиями «Семиглавый див», «Осёл без хвоста», «Предсмертные агонии раненого зверя», «Нужно уничтожить всякого, кто вредит человеку», написанные в годы войны, также служили людям воспрянуть духовно и физически, дабы противостоять в борьбе с жестоким врагом – фашизмом.

В заключении диссертации приведены выводы автора о проделанной работе. Научная и литературная деятельность С. Айни нами рассматривается в неразрывной связи с проблемами литературной, исторической и языковедческой критики. Рассуждения о личности писателя и его произведений в сопоставлении с произведениями других писателей привели к иным оценкам, чем прежде. В связи с этим свои выводы мы представляем следующим образом:

Во-первых, в начале мы пытались излагать свои выводы о произведениях С. Айни, созданных в двадцатые и тридцатые годы прошлого века автономно, но этот путь оказался неоптимальным, ибо темы и содержание произведений Айни тесно связаны друг с другом. Это же обстоятельство предполагает охватить всю его деятельность. Тем не менее, мы по возможности строго держались в рамках исследования.

Во-вторых, исследователи высказали конкретные суждения по общим вопросам творчества С. Айни, но коренные изменения, происшедшие за последние десятилетия, внесли иные коррективы в интеллектуальные процессы, которые во многом противоречат идеологическим и методологическим утверждениям прошлого.

В-третьих, если другие авторы филологические или исторические и социальные темы рассматривали по отдельности, то литературные, исторические и языковедческие проблемы мы рассмотрели комплексно,

показали творческий портрет С. Айни во взаимосвязи. В этом плане нами высказаны новые, свежие суждения, о творчестве писателя.

В-четвёртых, учениками и друзьями С. Айни написано много путевых заметок, воспоминаний, о нём. В процессе исследования эти материалы мы широко использовали, укрепив с их помощью свои мысли.

В-пятых, постановка темы в нашей интерпретации дала нам возможность коснуться вопросов мировоззрения литератора, его творческой лаборатории, представить духовный мир писателя, многие вопросы решить по-новому.

В-шестых, диспуты, возникавшие о строе и структуре языка, стилистике старого времени и нового алфавита в тридцатых годах, которые и по сей день как следует не изучены, мы осветили с точки зрения структуры языка и национальной культуры.

В-седьмых, мы всячески постарались четко отметить вклад С. Айни в решении важнейших научных, литературных и культурных проблем в периоды до революции и после неё.

В-восьмых, С. Айни всячески разрушал происки пантюркистов и мнимых востоковедов, которые таджикский язык интерпретировали как искажённый персидский язык, даже как тюркский, извратившийся под влиянием персидского языка.

В-девятых, некоторые примечательные мысли, высказанные С. Айни о таджикском языке в историческом шествии его носителей, в художественных произведениях, литературной критике, научных, исторических, искусствоведческих произведениях, выбраны из произведений самого Айни. Эти мысли дополнили и совершенствовали содержание языка, послужили средством пробуждения национального самосознания, самопознания многих таджиков.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях
автора.**

1. Научное наследие и литературная деятельность С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2012 № 4/6 (97) – С. 232
2. Садриддин Айни о таджикском языке // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2013 № 4/1 (105) – С. 185
3. Научные труды С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2013 № 4/2 (109) – С. 173.
4. Азбука и лексикология с точки зрения С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – № 4/1 (105) – С. 173.
5. Размышления и статьи С. Айни о таджикском языке // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2014 № 4/2 (133) – С. 210.
6. Влияние западной литературы на творчество С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2012 № 4/5 (167) – С. 227.
7. Новые научные явления в произведениях С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологии. Душанбе: Сино. – 2015 № 4/5 (209) – С. 222.